

«ЖЕСТКАЯ» И «ГИБКАЯ» ВЛАСТЬ КОНТИНЕНТАЛЬНОЙ ИМПЕРИИ: РЕМИНИСЦЕНЦИИ НА ИСТОРИЧЕСКУЮ ТЕМУ

Водичев Евгений Григорьевич,

доктор исторических наук,

профессор кафедры международных отношений и регионоведения

Новосибирского государственного технического университета,

Россия, 630073, г. Новосибирск, пр. К. Маркса, 20;

профессор кафедры отечественной истории

Национального исследовательского

Томского государственного университета,

Россия, 634050, г. Томск, пр. Ленина, 36

ORCID: 0000-0001-8266-1723

vodichev.evgeny@gmail.com

Аннотация

В статье предпринята попытка применения утвердившегося в сфере международных отношений и политологии концепта «мягкой» и «жесткой» власти (силы), разработанного Дж. Наем, к анализу базовых трендов в развитии Российской империи и СССР. Отражены особенности баланса инструментов «жесткой» и «мягкой» власти при режимах тоталитарного (авторитарного) и демократического типа. В контекст исторического анализа вводится понятие «умная власть». Обозначена связь между механизмами «мягкой» силы и развитием гражданского общества. Россия и СССР рассматриваются как континентальные империи колониального типа с внутренними колониями и зависимыми территориями. На фоне общих закономерностей развития континентальных империй, к числу которых относится территориальная экспансия, показана специфика СССР. Определяется, что драйверами развития континентальных империй являются факторы расширения ресурсной базы в условиях характерного для них экстенсивного развития, обеспечения безопасности имперского «хартленда» за счет периферийных территорий и поддержания геополитического статуса. Применительно к СССР установлена специфическая функция метрополии, в качестве которой выступала столица империи. Особое внимание уделено характеру развития восточных территорий, Сибири как внутренней колонии, эксплуатация которой базировалась на принципе «регион для страны», что сформировало в СССР устойчивую матрицу неоптимальных центр-периферийных отношений. Отмечено, что империя со-

хранялась как единое государство на основе синергии «жесткой» и «мягкой» власти, проецируемых как во внутримперское пространство, так и вовне. Показана постепенная деградация инструментов «умной власти», используемых советским режимом. Сделан вывод, что коллапс СССР означал дисбаланс и потерю эффективности использования факторов и инструментов «жесткой» и «мягкой» силы, а ныне Россия всё еще переживает постимперский синдром. Распад СССР и утрата стран-сателлитов вызывают необходимость переноса акцентов на внутреннюю стабилизацию. Однако влияние двух ключевых аргументов – наличия ядерного оружия и огромных ресурсов и территории – обеспечили сохранение прежних амбиций.

Ключевые слова: «мягкая сила», «жесткая власть», Дж. Най, континентальная империя, инструменты власти, постколониализм, Россия, СССР, Сибирь.

Библиографическое описание для цитирования:

Водичев Е.Г. «Жесткая» и «гибкая» власть континентальной империи: реминисценции на историческую тему // Идеи и идеалы. – 2023. – Т. 15, № 1, ч. 2. – С. 326–351. – DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-326-351.

Постановка вопроса и методология анализа.

«Жесткая» и «гибкая» сила как инструменты власти

Несмотря на то что с момента коллапса СССР прошло уже более 30 лет, и исследователей, и обычных обывателей продолжает занимать вопрос: по какой причине одна из самых могущественных держав мира столь стремительно утратила свое бывшее величие, силу, мощь, т. е. всё то, что в английском языке обозначается словом *power*? В современной политологии это понятие является не просто лексемой, а термином и концептом, имеющим конкретное значение. В рамках именно такого концепта в этой статье предпринимается попытка осмысления эволюции и коллапса советского режима как континентальной империи, располагающей собственными внутренними колониями и зависимыми территориями. На наш взгляд, во многом это произошло в результате дисбаланса и потери эффективности использования факторов и инструментов «жесткой» и «мягкой» силы (или «жесткой» и «гибкой» власти: *hard power, soft power*).

На протяжении столетий империя сохранялась как единое государство в силу того, что имела место синергия «жесткой» и «мягкой» власти. Она проецировалась как на внутреннее пространство страны, цементируя государство и общество, так и вовне, определяя геополитический статус Российской империи не только как «жандарма Европы», но и как одного из культурных центров континента и СССР как «маяка нового мира» и сверхдержавы. Однако в определенный момент по совокупности объективных и субъективных причин эта синергия растворилась в пространстве и времени, а инструменты власти утратили былую действенность, что в итоге и привело к распаду страны.

Методологически данный текст опирается на сформулированные в историографии представления о механизмах и закономерностях развития континентальных империй, а также на концептуальные разработки об инструментах «мягкой силы», отправной точкой которых являются труды Дж. Ная. Понятия «жесткая» и «мягкая» *сила* и «жесткая» и «гибкая» *власть* в дальнейшем используются как синонимы. В этой статье они интерпретированы как инструменты формирования и поддержания имперского пространства.

Аксиоматично, что любое государство как социальный институт является собой механизм контроля и надзора над обществом, регламентируя и структурируя функции управления. Однако при этом используемые инструменты могут существенно различаться в зависимости от типа государственного устройства. В демократических государствах они одни, в государствах тоталитарного и авторитарного типа – другие. В этом смысле более продуктивно говорить о корреляции доминирующих инструментов управления с типом государственного устройства. Соответственно, в рамках используемого методологического концепта речь может идти о балансе инструментов «жесткой» и «гибкой» власти.

Россия свой исторический путь в различные эпохи проходила как тоталитарное и авторитарное государство. Советские практики связаны с жестким тоталитаризмом сталинского режима 1930-х – начала 1950-х годов, авторитаризмом «хрущевского десятилетия» середины 1950-х – середины 1960-х годов, неоконсерватизмом брежневского режима «бюрократического торга», а также временем горбачевской «перестройки», завершившейся в итоге крахом советской империи, но так и не приведшей к реальным демократическим преобразованиям. Тот факт, что страна за последующие 30 лет так и не вышла из состояния травматичного постимперского синдрома, говорит о том, насколько глубоко в России укоренились имперские традиции.

Империи для достижения своих целей всегда опираются на инструменты насилия и принуждения – как прямого, так и косвенного. Естественно, что институты управления в персоналистских авторитарных (тоталитарных) и демократических государствах радикально отличаются. В первом случае носителем власти является один человек или группа лиц, клан, которые делегируют ее другим субъектам. Институты выступают лишь в качестве формального инструмента личной власти, что подтверждается историческим опытом как России, так и других стран мира в различные исторические периоды. В обществах, основанных на принципах либеральной демократии, власть, напротив, реализуется через институты, и на основе выборности обеспечивается широкая конкуренция за само право представлять институты власти и управления. Принцип разделения вла-

стей не позволяет объединять такие институты воедино, и один человек или группа лиц (клан) не может сосредоточить в своих руках все властные полномочия. Система надзора и управления имеет распределенный и контролируемый характер. Соответственно, возникают большие проблемы с использованием механизмов принуждения и насилия, поскольку это противоречит общественному договору, оформленному через систему конкурентных выборов.

Нет сомнений, что насилие и принуждение как инструменты власти в большей мере являются атрибутами тоталитарных и авторитарных систем в силу самой природы таких режимов. Они характерны как для империй вообще, так и для Российской империи в частности, включая ее советскую реинкарнацию. Но только ли прямое насилие обеспечивало их долговременное существование? Та же советская практика свидетельствует об эффективности политики индоктринации общества, являвшейся, наряду с репрессиями, одной из основ политической стабильности в СССР, которая сохранялась на протяжении длительного времени. Это позволяет поставить вопрос о сочетании механизмов и инструментов «жесткой» и «гибкой» власти в имперских практиках.

Как отмечалось, концепт «гибкой» власти (или «мягкой» силы) был разработан американским исследователем Дж. Наем. Сам автор считает его дескриптивной, но не нормативной концепцией. Очевидно, что для него контртезисом «гибкой» власти является «жесткая» власть. При этом под властью как таковой понимается способность оказывать такое воздействие на других, которое приведет к достижению желаемых результатов [29, р. 18]. «Жесткая» власть, по Дж. Наю, – это, прежде всего, власть, которая базируется на ресурсах и потенциале – экономическом, технологическом и военном. Соответственно, к инструментам «жесткой» власти он относит использование силы и насилия в любых формах, в том числе и в виде санкций и подкупа, а также формирование «повестки дня» в международной политике. Автор образно заключает, что «жесткая власть – это подталкивание, а гибкая власть – подтягивание». Более распространенная метафора позволяет при выделении инструментов «жесткой» власти говорить об использовании «принципа кнута и пряника», а «гибкая» власть в этом случае – это некий притягивающий к себе магнит [28]. «Что такое “гибкая” власть? – задает вопрос Дж. Най и сам же дает на него ответ: – ... Это способность получить то, что вы хотите получить, через привлечение, а не через подавление или некие “проплаты” ... “Соблазнение” всегда было более эффективным, чем подавление, и многие ценности наподобие демократии, прав человека и возможностей для индивида являются “глубинно соблазнительными”» [13, с. 18, 19]. В предисловии к книге Дж. Нае ее переводчик и комментатор В.И. Супрун подчеркивает, что ав-

тор концепта фактически относит к гибкой власти «власть информации и образов. ... Главное в ней – нематериальность, информативность и подвижность» [13, с. 12]. Он также отмечает, что Дж. Най не упоминает среди атрибутов «гибкой» власти идеологию, но, рассуждая о моральных факторах и ценностях, по сути говорит именно о ней. Я с этим согласен, правда, с уточнением, что в рамках «морального» (*behavioral*) подхода Дж. Най речь может идти не только и не столько о *содержании* идеологии, сколько о *восприятии* идеологических, мировоззренческих ценностей в стране и мире.

Важнейшей методологической проблемой является представление о ресурсном обеспечении власти. Применительно к пониманию инструментов «жесткой» власти сила и мощь государств исторически рассматривались как феномены, находящиеся в прямой и почти исключительной зависимости от наличия традиционных ресурсов, включая экономический потенциал, население и размер территории. В современном мире всё обстоит несколько иначе, поскольку само по себе обладание такими ресурсами ничего и никому не гарантирует. Ресурсы всегда должны восприниматься в контексте времени и корректно сформулированной цели. Проблема заключается в конвертации ресурсов в результат и, соответственно, в использовании именно таких ресурсов, которые будут адекватны поставленной цели.

Что касается потенциала «гибкой власти», то он включает в себя «культуру (если она привлекательна для других), политические ценности (если государство придерживается их в своей внутренней и внешней политике) и внешнюю политику (если она воспринимается другими государствами как легитимная и обладает моральным авторитетом)» [13, с. 37, 38; 29]. В литературе справедливо отмечается, что нормативность концепта Дж. Най обеспечивается его моральной составляющей, и для автора теории она базируется на западных (а во многом и универсальных. – Е. В.) ценностях, таких свобода (либерализм), частная собственность (рыночная экономика) и стремление к счастью [17, с. 25].

Таким образом, «гибкая» власть предстает не только в качестве инструмента государственной политики. Это еще и «долгосрочная стратегическая “рамка”, охватывающая широкий спектр вопросов, в том числе представления о месте и роли, а иногда и о миссии государства в мире, и тех ценностях, которые оно продвигает вовне. С этой точки зрения “мягкая” сила включает в себя многообразие символов, идей и смыслов, связанных с этими представлениями и с осознанием его внешнеполитической идентичности, образа государства в стране и за рубежом и того, что отличает конкретно его как субъекта международных отношений от других» [16, с. 39, 40]. Дж. Най прямо связывает этот феномен с демократией. Он пишет: «Тогда как лидеры в авторитарных государствах могут исполь-

зовать принуждение и отдавать команды, политики в демократических государствах должны в большей степени полагаться на комбинацию побуждающих мотивов и привлечения. «Гибкая» власть— это основа, становой хребет повседневной демократической политики» [13, с. 31]. Равным образом можно говорить и о связи механизмов «гибкой» власти с развитием гражданского общества. Если для реализации «жесткой власти» институты гражданского общества не представляются существенными и вообще сколько-нибудь необходимыми, то диффузия ценностей, обеспечение влияния на социум осуществляется при непосредственном взаимодействии субъектов, на которых направлен магнетизм такой власти, через «привлечение» и «соблазнение». Именно по этой причине авторитарные режимы, препятствуя развитию институтов гражданского общества, всегда склонны к изоляционизму и реализуют жесткую политику в отношении «агентов влияния».

В последнее время всё чаще упоминается понятие «умная» власть (или «умная» сила, *smart power*). Сам Най определяет ее как динамичное сочетание «мягкой и жесткой власти», пропорция которых изменяется в зависимости от контекста и объекта приложения, т. е. способность сочетать «жесткую» (силовое или экономическое принуждение) и «мягкую» силу для формирования выигрышной стратегии [27]. Однако справедливо отмечается, что категория «умной» силы в некотором смысле выхолащивает понятие «гибкой» власти. Чаще всего она используется в приложении к внешней политике и становится критерием ее компетентности [17, с. 27]. Но в равной мере это понятие может применяться и к анализу внутренней политики.

Заключая методологический обзор, отметим, что, на наш взгляд, уже с рубежа XX–XXI веков можно говорить о смене парадигмы в политике, и этот процесс оказался тесно связан с доминированием постмодернизма, нарастанием хаоса и отказом крупных игроков от сложившихся «правил игры». Однако в плане методологии сути дела это не меняет, поскольку на фоне хаоса эвристический потенциал концепта «мягкой власти» лишь возрастает. Представляется, что этот концепт в полной мере может быть перенесен с внешнеполитического и международного дискурса на исторические исследования в качестве инструмента анализа механизмов формирования, развития, увядания и распада бывших империй.

СССР как континентальная и колониальная империя

Автор согласен с утвердившейся точкой зрения, что распад СССР стал крахом последней европейской империи. Однако в историографии этот тезис не рассматривается как общепринятый. Как считает известный индийский политолог М. Палат, «Советский Союз не являлся империей в том понимании, какими представлялись европейские державы, хотя воз-

ник он на основе колониальной, династической империи. Впрочем, западные полемисты могут сравнивать Советский Союз с империей-метрополией, поскольку принудительная советская модернизация слишком часто выглядела как русификация и колонизация» [30, р. 7]. В любом случае с падением СССР оказалась прерванной единая логика развития страны, сохранявшаяся как минимум на протяжении трех, а по мнению ряда историков, и пяти столетий. При всём видимом радикализме преобразований в России после 1917 года, СССР демонстрировал преемственность прежних геополитических стратегий, развиваясь как континентальная империя, сохраняя свою территорию, прирастая новыми пространствами и расширяя свое влияние на ближнюю и дальнюю периферию из числа ранее независимых государств.

Но ведь и вся европейская история – это история империй, которые возникали, а затем одна за другой сходили с исторической арены, уступая место национальным или многонациональным, но не имперским по своему типу государствам. В этом смысле история Российской империи вполне укладывается в русло общеевропейской истории. Весь вопрос заключается в корреляции процесса распада с историческим временем, в рамках которого Россия, как всегда, запаздывала. К тому же в силу географических и исторических причин «имперскость» России, а затем и Советского Союза характеризовалась известной спецификой. Справедливо мнение, что Россия одновременно являлась и империей, и периферией. Как отмечает бельгийский историк Д. Ливен, «Империя предполагает огромную мощь, а также государство, правящее обширной территорией и множеством народов. ...Периферия означает, что Россия находилась на окраине Европы (и – шире – западной цивилизации) как с точки зрения мощи, так и с точки зрения ценностей» [11].

Россия имела немало общего с другими европейскими империями за двумя важными исключениями: в отличие от держав, обладающих колониями в виде заморских территорий, Россия всегда оставалась континентальной империей, и ее колониальные владения непосредственно примыкали к основной территории страны. По словам В.О. Ключевского, «история России есть история страны, которая колонизируется. Область колонизации в ней расширялась вместе с государственной ее территорией. То падая, то поднимаясь, это вековое движение продолжается до наших дней» [10, с. 50]. Со временем колонизируемые пространства по своему масштабу многократно превзошли исторический российский «хартленд».

Представление Российской империи и СССР именно как империй континентальных позволяет многое понять в государственных амбициях и стратегиях, реализуемых на протяжении нескольких столетий. Законы развития подобных государств всегда связаны с расширением простран-

ства. Такую логику диктовали, с одной стороны, факторы обеспечения геополитического статуса и имперской безопасности, с другой – заинтересованность в получении дополнительных ресурсов, определяющих в рамках концепта «жесткой силы», наряду с размерами территории, ее имперский потенциал. Исторически имперское государство пыталось расширяться по всем возможным векторам, но для расположенной на евразийском континенте страны особую роль играло азиатское направление. Позиционируя себя как мировую и европейскую державу, аргументы для легитимации этого государство искало в Азии. Сталкиваясь с большим сопротивлением в Европе, именно в Азии оно обретало не только ресурсы, но и геополитические аргументы для утверждения глобального статуса. К тому же новые территории позволяли апробировать там социально-экономические и социокультурные новации, которые Россия также заимствовала на Западе: в Европе и позже в США.

Страна искала для себя новые ресурсы на востоке и юго-востоке. Кроме Сибири, эти направления включали в себя и территории «ближнего пояса» Центральной Азии. Исторически и Российская империя, и СССР пытались навязать колонизируемым регионам собственные экономические матрицы, чтобы приспособить их к условиям «хартленда», понимаемого, вслед за Д. Хусоном, как важнейшая генерирующая часть системы [23, 24]. Россия продвигала свои шаблоны и стандарты, стремясь так или иначе втянуть в свою орбиту как можно больше соседей. Континентальная империя расширяла пространство, согласовывая его с привычной для метрополии средой.

Российская империя столетиями осуществляла практику «собираания земель» методами военной и невоенной колонизации. После большевистского переворота новый режим успешно продолжил эту стратегию на востоке, подчинив себе марионеточную Дальневосточную республику, а затем восстановив власть метрополии на территории имперских владений в Центральной Азии и на Северном Кавказе. Затем, уже накануне и в начале Второй мировой войны, в условиях кризиса миропорядка, настала очередь бывших владений империи в Прибалтике, на Западной Украине и в Западной Белоруссии. Последним аккордом территориальных приобретений стало вхождение в состав СССР Тувы (1944), Южного Сахалина и островов Курильской гряды на востоке и Восточной Пруссии (1945) на западе. После этого стратегия стала ориентироваться на формирование и поддержание сферы влияния в формате государств-сателлитов в Центральной и Восточной Европе, к которым позже весьма неожиданно и во многом случайно присоединилась Куба, находящаяся в «мягком подбрюшье» США – ключевого стратегического противника в рамках биполярного мира.

Крупнейшей потерей в контексте имперских стратегий оказался Китай, но в силу исторических и географических причин его и изначально вряд ли можно было рассматривать в качестве потенциального объекта неокониальной политики. Всё это окончательно оформило СССР как континентальную империю, которая располагала сложной совокупностью колоний и зависимых марионеточных государств на ближней и дальней периферии. При этом колониальные территории непосредственно входили в состав государства, являясь, по сути, внутренними колониями, а периферию империи формировали зависимые страны, которые одновременно выступали в качестве буфера между собственно империей и внешним миром [25].

Еще одной особенностью Российской империи, а затем и СССР стало фактическое отсутствие у колониальной империи полноценной метрополии, роль которой замещала имперская столица. Эта функция столицы оказалась не просто масштабной, а гипертрофированной, приводя к исторически сформировавшейся и постоянно возрастающей асимметрии между условным центром (метрополией) и периферией. В результате Россия не только оставалась крупнейшей европейской континентальной империей, располагающей огромными колониями в Евразии, но и транслировала колониальную матрицу управления на исторические земли в европейской части страны. Во времена СССР в этом аспекте мало что изменилось, разве что возросли амбиции. Как справедливо отмечено, «Россия, переименованная в Советский Союз, сохранила все атрибуты империи, и в первую очередь сильный централизм Москвы, контролирующей огромные разнородные части на периферии. Целостность Российской империи зависит от московской центральной власти, любое ослабление которой усиливает центробежные тенденции на периферии» [26]. Для подтверждения этого тезиса достаточно вспомнить относительно недавний «парад суверенитетов». И СССР, так же как Российская империя, пытался использовать для укрепления режима внутри страны и утверждения своих позиций в мире ресурсы и возможности как «жесткой», так и «мягкой» силы, явно отдавая предпочтение первым.

Баланс инструментов власти в советских практиках: от «классического» сталинизма до перестройки Горбачева

Советский Союз распался не только из-за экономического кризиса и проигрыша технологической гонки, но и из-за того, что он стал непривлекателен и для окружающего мира, и для собственного народа и элит. К концу своего существования империя утратила ресурсы «жесткой» власти, а инструменты «мягкой» силы оказались неэффективными как внутри страны, так и вовне. Но можно ли вообще ставить вопрос о «гибкой» вла-

сти применительно к империям и авторитарным режимам, или же они довольствуются исключительно инструментами и механизмами «жесткой» власти? Могут ли такие режимы быть привлекательными как для собственного внутреннего периферийного пространства, так и для внешнего мира? Для ответа на эти вопросы обратимся к советским ретроспекциям XX века.

Изменив, казалось бы, весь политический контекст, большевистский переворот оставил неизменными имперские практики, вместе с тем открыв поле для новых экспериментов в рамках баланса инструментов «жесткой» и «мягкой» силы. Образ страны победившего пролетариата, строящего справедливое общество, долгое время оставался популярным в мире как контртеза империализму. Этому не смогло препятствовать даже массовое выдавливание старой интеллигенции из культурного тезауруса страны, символом которого стал «философский пароход», вскоре сменившееся практикой привлечения на службу новой власти технических и военных специалистов прежнего поколения. Часть из них также привлекала идея построения нового общества, что оправдывало в глазах многих «социальные издержки». Известные строки В.В. Маяковского, посвященные Кузнецкстрою: «Через четыре года здесь будет город-сад», распространились на всю страну и стали символом утверждения в умах новой утопии. На стартовом этапе инструменты «мягкой власти» работали достаточно эффективно.

Начало форсированной индустриализации и утверждение режима сталинизма на практике оказалось связано с переходом к массовым репрессиям, вначале в отношении крестьянства, а затем и прочих слоев населения, главным образом тех, кто был способен на рефлексию. Тоталитарный режим, утвердившись и окрепнув, резко сдвинул баланс инструментов власти в сторону «жесткой» силы. Вместе с тем модернизация страны и возрастание ее экономического и технологического потенциала (на фоне отсутствия информации о методах индустриализации) по-прежнему обеспечивали для многих за пределами СССР позитивный имидж Советского Союза. Внутри страны баланс властных рычагов был связан одновременно и с массовыми репрессиями, и с индоктринацией населения в рамках мобилизационной парадигмы развития страны.

«Освободительные походы Красной Армии» в начальный период Второй мировой войны, а также советско-финская война символизировали дальнейшее стремление империи к расширению своего пространства и переход к масштабному использованию инструментов «жесткой» власти уже не только в Советском Союзе, но и за его пределами. Однако итоги глобальной войны и решающий вклад в разгром нацизма привели к небывалому росту ресурсов «мягкой» силы СССР как внутри страны, так и за рубежом. Правда, внутри страны потенциал «гибкой» власти стал стреми-

тельно увядать уже во второй половине 1940-х годов на фоне разочарования от непреодоленных экономических трудностей, связанных с восстановлением прежней логики индустриализации и милитаризации экономики. В то же время имидж Советского Союза как страны-победителя способствовал сохранению его популярности в мире, которая, однако, уже не выглядела безусловной.

Смерть Сталина, а затем и начало «хрущевского десятилетия» привели к существенным изменениям. 1950-е годы считаются в СССР наиболее успешными с точки зрения экономических результатов. Одновременно в стране происходила начатая еще при Сталине технологическая революция, связанная с решением важнейших военно-технических задач. Это не только обеспечило расширение потенциала «жесткой» силы, но и способствовало росту возможностей в сфере «гибкой» власти с опорой на космос, «мирный атом» и т. п. Принципиально изменилась ситуация и внутри страны. Атмосфера социальной апатии «позднего сталинизма» сменилась тем, что вошло в историю как период «хрущевской оттепели». Отказ от репрессий, разоблачение преступлений сталинизма, открытие страны для контактов с Западом потрясли советское общество. Российская интеллигенция приветствовала перемены, что нашло свое воплощение в науке, культуре и искусстве. Но возникшие возможности для кросс-культурных коммуникаций одновременно открывали шлязы и для западной массовой культуры. Для режима возникала ситуация конкуренции инструментов «гибкой» власти, тем более что «запретный плод» всегда сладок, в особенности когда в нем воплощаются глобальные культурные тренды. Соперничать с джинсами, джазом (а чуть позже с поп- и рок-музыкой) и Голливудом советскому режиму оказалось крайне сложно.

Социальные идеалы, провозглашенные в третьей программе КПСС, вызвали всеобщий энтузиазм [4]. Мифологема о построении коммунизма на протяжении жизни одного поколения стала основным слоганом эпохи, обладая огромной притягательностью. Акценты на повседневный консьюмеризм, на формирование «общества потребления по-советски» означали долгожданный поворот к потребностям конкретного человека. Тезис из речи Хрущева на XXII съезде КПСС о том, что «чаша коммунизма – это чаша изобилия, она всегда должна быть полна до краев. Каждый должен вносить в нее свой вклад и каждый из нее черпать» [18, с. 167], приобрел неслыханную популярность. Советское общество, уставшее от рутинных ограничений во всём, с воодушевлением приняло образ будущего, в котором коммунизм переставал быть некой абстракцией и обретал вполне осязаемые черты.

На фоне экономических успехов и научно-технических достижений, а также реального повышения уровня жизни населения во второй поло-

вине 1950-х годов, имидж советской империи приобрел множество ярких граней. При Хрущеве советский режим, пожалуй, впервые стал столько широко сознательно использовать возможности «гибкой» власти, проводя, выражаясь языком бизнеса, активную маркетинговую политику по продвижению своих достижений в области науки, культуры, образования, спорта и т. д. Это находило отражение и в массовой культуре, и в интеллектуальной среде, правда, к концу «хрущевского десятилетия» уже не без скрытой иронии [5]¹. Широко тиражировались достижения в сфере быта и решения жилищной проблемы.

Гораздо в большей мере, чем на объективные основания, режим опирался на продвижение удачно сформулированных политических мифов. Однако подобная ситуация всегда таит в себе опасность. При отсутствии постоянных успехов и достижений политический миф всякий раз, как только общество ставит его под сомнение, начинает эродировать, а вслед за этим обычно разрушается и вся система идеологем. И если на рубеже 1950-х – 1960-х годов политика популизма обеспечивала режиму эффективное использование ресурсов «гибкой» власти, то далее произошло то, что и должно было произойти. После короткого времени успешного развития советская экономическая система, основанная на мобилизационной модели с централизованной плановой экономикой, продемонстрировала свою неспособность справиться с вызовами НТП и одновременно производить «и пушки, и масло». Поверхностные реорганизации привели к еще большему хаосу и в конечном итоге стали причиной отставки Хрущева. «Гибкая» власть режима внутри страны оказалась подорванной надолго, если не навсегда. Опора на классические шедевры «высокой» культуры как элемент привлекательного имиджа страны и инструмент «гибкой» власти режим уже не спасала, тем более что достижения современной культуры периодически подвергались «бульдозерным атакам». Всё меньше советских людей надеялись увидеть не только «город-сад через четыре года», но и «коммунизм на протяжении жизни одного поколения». «Идея «развернутого строительства коммунизма» исчерпала себя уже к середине 60-х годов» [12, с. 3; 4, с. 340].

На фоне социального разочарования и роста напряжения в обществе режим вновь стал обращаться к ресурсам «жесткой» власти внутри страны, хотя уже и не в формате массовых репрессий. Однако новочеркасский расстрел в июне 1962 года показал, что времена меняются. На международной

¹ «Зато, говорю, мы делаем ракеты

И перекрыли Енисей,

А также в области балета

Мы впереди, говорю, планеты всей...». Рассказ технолога Петухова о своей встрече с делегатом форума стран Азии, Африки и Латинской Америки, которая состоялась 27 июля в кафе-мороженом «Звездочка» в 17 часов 30 минут при искусственном освещении (1964 г.).

арене жесткое подавление социальных протестов в Венгрии и Польше, Берлинский, а затем Карибский кризис, поставивший мир на грань ядерной войны, также вызывали всё большую настороженность. Короткая разрядка напряженности сменялась новым витком холодной войны.

После отставки Хрущева в условиях брежневского режима ресурсы «гибкой власти» СССР стали стремительно уменьшаться. Экономика страны втянулась в долговременную стагнацию. Навязывание советских экономических матриц странам-сателлитам через механизмы Совета экономической взаимопомощи (СЭВ) вызывало у них раздражение, поскольку приводило к снижению эффективности производства. Прогривая конкуренцию, СССР всё больше вновь закрывался. После кратковременного периода разрядки международной напряженности в середине 1970-х годов, символами которой стали Хельсинкские соглашения и программа «Союз-Аполлон», всё чаще возникали осложнения, связанные с использованием «жесткой» силы внутри страны и за ее пределами. Запрет на эмиграцию и ограничение возможностей для международных коммуникаций, борьба с инакомыслием и преследование диссидентов, агрессивная пропаганда приводили советское общество к социальной апатии. Вторжение стран Варшавского договора в Чехословакию в 1968 году, подавление попыток реформ в Польше в 1980-м и война в Афганистане показали склонность режима к окончательному смещению баланса сил в пользу «жесткой» власти.

Однако ресурсов для этого уже не хватало. Горбачевская перестройка символизировала, что режим достиг критической точки своего развития. Индикаторами его стали поражение в Афганистане, общий экономический кризис, стремительное нарастание долговой зависимости СССР от Запада, падение уровня жизни и, как итог, проигрыш в холодной войне. «Перестройка и гласность» на время подняли потенциал «мягкой» силы, но на фоне экономического хаоса этот период продолжался недолго. Ресурсы и «гибкой», и «жесткой» власти советской империи оказались исчерпанными. Зависимые страны, формировавшие буферный пояс между СССР и Западом, одна за другой выходили из-под советского влияния, и бывшая метрополия ничего не могла с этим поделать. Рухнули СЭВ и военный блок Организации Варшавского договора. Попытки использования инструментов «жесткой» власти во внутриимперском пространстве (в Грузии, Азербайджане, Литве) привели лишь к тому, что процессы политической и социальной турбулентности окончательно вышли из-под контроля. Империя стремительно разрушалась, грозя похоронить под обломками и свою историческую основу. Для СССР всё завершилось в декабре 1991 года, после чего ключевым стал вопрос о судьбе внутренних колоний бывшей континентальной империи.

«Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении»

Название фундаментальной работы одного из лидеров движения сибирского областничества Н.М. Ядринцева, первоначально изданной в 1882 году [20], хорошо отражает концептуальные представления о месте и роли восточного направления в колониальной экспансии Российской империи. Правда, с одним, но крайне значимым уточнением: в советскую эпоху ключевым индикатором колониального статуса Сибири стала экономика, а регион фактически существовал на правах внутренней колонии прежде всего с точки зрения использования его ресурсного потенциала.

Но и здесь сохранялась преемственность с временами Российской империи. По справедливому мнению В.А. Иноземцева, «Русская Сибирь стала такой же колонией поселенцев, как Новая Англия, Квебек, Австралия и Новая Зеландия. ...Российская империя была самой большой и самой прочной из всех существовавших империй, намного опережая Британскую и Римскую империи» [25]. Однако сразу же необходимо отметить специфический характер российского имперского колониализма в Сибири: он базировался прежде всего на переселенческих практиках, добровольных и/или принудительных, и на режиме жесткой экономической эксплуатации в рамках концепта «регион для страны» при практически полном игнорировании философии «регион для региона» [1]. Колониальный или полуколониальный режим эксплуатации Сибирского региона воплотился в утверждении модели отношений «центр – периферия». Исторический процесс формирования такой модели является вполне релевантной основой для анализа баланса «мягкой» и «жесткой» силы во внутримперском пространстве.

О начале колонизации Сибири принято говорить применительно ко времени присоединения Сибири к России, т. е. к концу XVI века. И уже на стартовом этапе она проводилась не только экономическими и правовыми, но и военными методами, т. е. при доминировании инструментов «жесткой» силы. Так было и в дальнейшем. Бытующие представления о бесконфликтном вхождении восточной периферии в состав Российской империи – это не более чем красивая, но не имеющая отношения к реальной истории легенда. Уже в XVIII веке нарастающий дефицит пригодных для сельскохозяйственной обработки земель в центре страны заставлял все чаще обращать взгляды из Санкт-Петербурга на восток. Стимулировалась добровольная миграция. Население региона росло. Постепенно возрастала и его способность к интеллектуальной рефлексии, ускорившаяся после «освоения» Сибири ссыльными интеллектуалами, а затем и прихода на восток институционализированной науки и высшего образования. Одна-

ко попытки формирования сибирской идентичности, антиколониальной по сути, жестко подавлялись. В XIX веке Сибирь остается полигоном для демографических экспериментов, поскольку начинает получать массивные инъекции осужденных либо отправленных в ссылку и на каторгу во внесудебном порядке. В регион приходит принудительная (или штрафная) колонизация.

Огромное значение для заселения Сибири имело строительство Транссибирской магистрали, которое началось в 1893 году. С конца XIX века Сибирь стала главным колонизируемым регионом. Определяющее влияние на дальнейшую динамику демографических процессов имела начавшаяся на рубеже 1920-х – 1930-х годов индустриализация – ключевой элемент советской модернизационной парадигмы и экономической политики. И в период Столыпинской аграрной реформы в начале XX века, и уже при советской власти после начала форсированной модернизации с четко выраженным восточным вектором государство пыталось разбавить «жесткую силу» использованием более гибких инструментов, пытаясь сформировать привлекательный образ региона. Но не очень в этом преуспело. В 1930-е – 1940-е годы важнейшим инструментом колонизации оставались принудительные миграции в Сибирь. Тем самым значительно расширялись репрессивные колонизаторские практики дореволюционных времен. Принудительные миграции оказывали существенное влияние на экономическое развитие региона, в особенности на северные и северо-восточные районы Сибири. В сталинский период советской истории Сибирь сохранила и утвердила свой имидж региона каторги и ссылки, а не территории свободы и новых возможностей, как, например, американский Запад или Аляска.

Вторая мировая война привела к масштабному увеличению демографического и индустриального потенциала Сибири за счет эвакуации на восток огромного количества промышленных предприятий из европейской части страны. После завершения восстановительных процессов вновь был актуализирован курс на ускоренное развитие восточных регионов СССР. Сибирь, в особенности ее южная часть, стала одной из тех территорий, которые затронула кампания по освоению целинных и залежных земель, приведшая к существенному росту сельского населения в новых зернопроизводящих районах, но обернувшаяся впоследствии огромными экологическими и социально-экономическими проблемами для региона. Еще более весомые последствия для формирования экономического профиля и демографического ландшафта Сибири имела реализация серии гигантских гидроэнергетических проектов, а также строительство новых промышленных предприятий.

В этом же ряду находится и проект создания мощного научного комплекса, центром которого стал новосибирский Академгородок. В эти годы

власть вновь попыталась привлечь инструменты «гибкой» силы и исправить сложившийся в общественном мнении образ Сибири, сделав регион привлекательным для переселения. И вновь без особых успехов. Резкое увеличение демографического веса отдельных регионов Сибири в связи с перспективными экономическими проектами продолжалось и в последующие годы, однако это давало лишь тактический эффект. В Сибирь ехали на время, «за заработками», а в более долгосрочной перспективе отток населения оказался постоянной проблемой для региона. Даже Академгородок, эта «Сибирская Атлантида», на время ставшая символом интеллектуальной свободы в науке и образовании, стал стремительно утрачивать этот имидж по истечении первого десятилетия своей истории.

В целом интенсивное экономическое развитие Сибири происходило лишь в последние 100 лет. Предыдущие три столетия были временем, когда решался вопрос о методах и инструментах колонизации и освоении региона. К рубежу 1980-х – 1990-х годов Сибирь входила в число ведущих в экономическом отношении регионов страны. Однако развитие было неравномерным, и этот вывод относится, прежде всего, к территории Западной Сибири. В этом субрегионе проживало около 10 % населения РСФСР, но производилось 12 % совокупного валового продукта, в том числе 73 % российской нефти и 90 % газа. Однако в силу не только географической удаленности, тяжелого климата, но и специфики полуколониальной социально-экономической политики, направленной на интенсивную эксплуатацию природных ресурсов в интересах страны в целом (при игнорировании интересов Сибири), она оставалась ресурсным регионом с нарастающими экологическими проблемами, непривлекательным для постоянного проживания.

Справедливости ради необходимо отметить, что Сибирь никогда не пыталась открыто противостоять метрополии насильственными методами. В силу единства территории система контроля и надзора в тоталитарном и авторитарном государстве тщательно отслеживала и пресекала даже намеки на протест. Но итоги «освоения» Сибири свидетельствуют, что реализованный на практике баланс инструментов «жесткой и гибкой силы» при сохранении колониальной или полуколониальной политики и игнорировании интересов региона не стал эффективным фактором развития страны.

Как отмечает Д. Ливен, после распада СССР «...русские все-таки удержали главную драгоценность своей имперской короны – Сибирь» [11]. Это произошло, несмотря на возникший в начале 1990-х годов «парад суверенитетов» и вновь пробуждающуюся сибирскую идентичность [32]. Вопреки прогнозу З. Бжезинского, Россия не разделилась на три части, одной из которых, по его мнению, должна была стать Сибирская Республика [21].

Но при этом сохранившаяся Российская Федерация унаследовала все прежние подходы к эксплуатации Сибири, в том числе и явную недооценку социальных факторов развития, недостаточность вложений в инфраструктуру и защиту окружающей среды, в трансформацию Сибири в регион, привлекательный для проживания. Отношения столиц и Сибири в историческом прошлом всегда выражались в виде дихотомии «метрополия – колония». Восточные территории представляли интерес главным образом с точки зрения их ресурсного потенциала, освоение которого осуществлялось селективно, в зависимости от военно-стратегического императива или экономической целесообразности страны в целом, а еще чаще ее столицы. На протяжении веков в отношении Сибири *de facto* сохранялся и сохраняется ныне полукOLONиальный подход, ориентированный на использование региона преимущественно в качестве основы для экономического развития «метрополии». СССР распался, как и советская зона влияния; времена колониальных империй, казалось бы, прошли. Но название неоднократно переиздававшейся уже в новом тысячелетии книги Н.М. Ядринцева о Сибири всё еще звучит более чем актуально, как актуально и изменение концепции развития региона на основе отказа от имперских традиций и с широким использованием инструментов «умной власти».

Выводы

Вышеизложенное позволяет зафиксировать несколько основных выводов. С методологической точки зрения концепт «мягкой силы» (или «гибкой власти»), обладает значительными возможностями в приложении к анализу развития, функционирования, увядания и распада империй, позволяя структурировать механизмы и инструменты реализации власти как во внутримперском пространстве, так и вовне. Данный методологический подход вполне релевантен в рамках исторического дискурса.

Российское государство на протяжении нескольких столетий развивалось как континентальная империя. Законы развития континентальной империи объективно подразумевают необходимость территориальной экспансии. Последнее создавало и при сохранении имперских амбиций по-прежнему создает соблазн ориентации на экстенсивный путь экономического развития за счет расширения ресурсной базы.

Континентальная империя в ее российском варианте имела колониальный характер. Территория империи расширялась за счет колонизации прилегающих земель как военными, насильственными, так и экономическими методами. Российская империя прирастала внутренними колониями и зависимыми территориями, непосредственно связанными с ее базовой территорией (географическим, историческим и экономическим «хартлендом»). Крупнейшей внутренней колонией империи стала Сибирь

(в ее традиционной исторической коннотации как всей территории Зауралья, включая Дальний Восток). Империя пыталась «цивилизовать» колонизируемые регионы путем навязывания им собственных политических институтов и экономических матриц. В определенные исторические периоды она пыталась это делать и на западных границах, где сталкивалась с жестким сопротивлением. Особенностью Российской империи стал специфический статус метрополии и колоний. В ней роль метрополии играла столица, сосредоточившая и все властные функции и полномочия, и максимум финансово-экономических возможностей.

Советский Союз в полной мере стал продолжателем имперской логики развития страны. Восточные территории продолжали функционировать как внутренние колонии Москвы на основе специфической системы отношений «центр – периферия». После Второй мировой войны был еще сформирован буфер из зависимых марионеточных государств на внешних рубежах. Российский вариант империи базировался на принципах жесткой централизации (личной власти, а также власти бюрократических институтов) в системе целеполагания и контроля за реализацией стратегии. В советской практике на протяжении XX века происходил дрейф от личной диктатуры тоталитарного типа периода сталинизма к системе бюрократического торга при Хрущеве и Брежнев. Это приводило к прогрессирующему ослаблению авторитарных институтов и потере управляемости в ранее сформированной имперской системе организации власти.

В терминах концепта Дж. Ная российская и советская история однозначно свидетельствует о доминировании во властном арсенале режима инструментов «жесткой» власти. «Жесткая» власть во всех ее проявлениях – от прямого насилия и репрессий до формирования системы материальной заинтересованности, подкупа и коррупции, а также идеологического давления через индоктринацию населения и агрессивную пропаганду – в равной мере распространялась на колониальные практики управления как внутри страны, так и на внешней периферии империи. Инструменты «гибкой» власти также имели определенное значение для поддержания статуса империи, но эффективность использования потенциала «гибкой» власти на протяжении всей имперской истории оставалась ограниченной. Ресурсы «мягкой» силы, постоянно сталкиваясь с проявлением насилия и принуждения как внутри страны, так и вовне, лишь дополняли возможности и инструменты «жесткой» власти.

Коллапс советской империи символизировал и неудачу в использовании инструментов «умной» власти. Потенциал «жесткой» власти (как военно-политический, так и экономический) оказался исчерпанным и не смог предотвратить распад советской зоны влияния и уход из нее марионеточных буферных государств, а также зависимых полуколониальных территорий

на юге страны. «Мягкая» сила к этому времени полностью исчерпала свои возможности. Принципиально важным оказался и тот факт, что декларированные в условиях перестройки концепты демократизации и либерализации оказались несовместимы с имперскими принципами организации управления. В условиях политики гласности это наложило, с одной стороны, на полное открытие страны для «мягкой» силы партнеров – бывших геополитических противников, а с другой – на то, что стали достоянием общественности многие неллицеприятные факты из прошлого империи, существенно подорвавшие потенциал ее собственной «гибкой власти».

Ныне Россия остро и тяжело переживает постимперский синдром. Распад СССР и утрата стран-сателлитов объективно вызывали необходимость переноса акцентов на внутреннюю стабилизацию. Однако влияние двух ключевых аргументов – наличия ядерного оружия и огромных ресурсов и территории – обеспечили сохранение амбиций. Попытка России на фоне глобального кризиса переставить акценты со своих внутренних проблем на внешнюю повестку с использованием инструментов «жесткой» власти обернулась введением международных санкций и огромными издержками. С учетом технологической и инвестиционной зависимости от Запада это вызывает всё новые и новые осложнения.

На постимперском колониальном пространстве РФ сталкивается с интересами Китая, но ничего не может противопоставить его экономической мощи. По справедливому мнению, это «существенно усилит “китаецентрированные” не только экономические (и геополитические), но и культурные векторы, создавая в том числе и реальную социально-экономическую мотивацию для повсеместного “разворота” нашей страны на восток» [8, с. 18]. На наш взгляд, ныне такой разворот для РФ возможен лишь в качестве «младшего партнера» на пока неясных условиях. К тому же он противоречит социокультурной традиции России. В то же время, несмотря на то что власти стран Центральной Азии явно опасаются усиления влияния КНР в регионе, Китай уже зафиксировал там свои экономические приоритеты.

В условиях распада империи России удалось сохранить свою главную «ресурсную жемчужину» – Сибирь. Но эксплуатация этого региона по алгоритмам прежних колониальных шаблонов с опорой на методы «жесткой» власти в долгосрочной перспективе представляется неэффективной. Российской Федерации необходимо признать, что эпоха колониальной империи окончательно завершилась и попытки возвращения к прежней политике обречены на неудачу из-за отсутствия экономических, социальных, технологических и моральных предпосылок. Это касается и «внутренней колонии» – Сибири, где изменение концепта развития актуально уже не первое десятилетие, а то и столетие.

Общая ситуация в стране уже давно актуализировала необходимость переноса акцентов на внутреннюю трансформацию – структурные изменения в экономике, оптимизацию институтов, сбалансированное региональное развитие. Даже вне контекста рассуждений о «моральности» политики важно понимание, что использование имперских инструментов «жесткой» власти в новых цивилизационных условиях не обеспечено ресурсами, крайне неэффективно и несет в себе потенциальную угрозу постоянной эскалации международных и внутренних кризисов. При условии успешной трансформации страны в долгосрочной перспективе использование фактора «мягкой» силы выглядит гораздо более эффективным, хоть и не быстрым инструментом достижения внутренней стабилизации и геополитических целей.

В текущих условиях популярные несколько лет назад идеи «Большой Европы» представляются окончательно проигранными. В рамках концепта «Большой Евразии» России также не удалось преодолеть имперские амбиции. Основные перспективы в институтах власти ныне связываются с интеграционными практиками Евразийского экономического союза (ЕАЭС). Однако периодически появляющиеся крайне противоречивые высказывания некоторых российских политиков по поводу, например, территорий Северного Казахстана свидетельствуют об устойчивости постимперского синдрома в современной России и по понятным причинам вызывают настороженное отношение к углублению интеграции на постимперском пространстве даже у ее ближайших союзников.

Литература

1. Экономические и социокультурные взаимодействия в Урало-Сибирском регионе / Н.Н. Аблажей, С.С. Букин, Е.Г. Водичев, В.А. Ламин, А.И. Тимошенко. – Новосибирск: СибАГС, 2004. – 228 с.
2. Алексеев В.В. Рубежи освоения Азиатской России: исторический опыт и современные проблемы // Азиатская Россия: история и современный дискурс. – Новосибирск: НГУ, 2010. – С. 35–47.
3. Азиатская Россия в геополитической и цивилизационной динамике. XVI – XX века / В.В. Алексеев, Е.В. Алексеева, К.И. Зубков, И.В. Побережников. – М.: Наука, 2004. – 600 с.
4. Артемов Е.Т., Водичев Е.Г. По сталинским лекалам: стратегия коммунистического строительства в программных установках хрущевского руководства // Идеи и идеалы. – 2021. – Т. 13, № 4, ч. 2. – С. 324–347.
5. Визбор Ю.И. Сочинения. В 2 т. Т. 1. Стихотворения и песни. – М.: Локид, 1999. – 558 с.
6. Водичев Е.Г. Дихотомия амбиций и возможностей: Россия в мире постмодерна // Настоящее и будущее России в меняющемся мире: общественно-геогра-

фический анализ и прогноз: материалы международной научной конференции, г. Ижевск, 13–18 сентября 2021. – Ижевск, 2021. – С. 44–49.

7. *Водичев Е.Г., Аблажей Н.Н.* Сибирь: сценарии колонизации и демографический ландшафт // Азиатская Россия: история и современный дискурс. – Новосибирск: НГУ, 2010. – С. 21–34.

8. *Дружинин А.Г.* Россия в меняющемся евразийском контексте: общественно-географический прогноз // Общественная география в меняющемся мире: фундаментальные и прикладные исследования: материалы международной научной конференции. – Казань, 2019. – С. 17–20.

9. *Караганов С.А.* Незаконченная история // Россия в глобальной политике. – 2012. – Т. 10, № 1. – С. 220–224. – Рецензия на книгу: Тренин Д.В. Post-Imperium: евразийская история. – М.: Московский центр Карнеги, РОССПЭН, 2012.

10. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Ч. 1. Лекция 2 // Ключевский В.О. Сочинения: в 9 т. – М.: Мысль, 1987. – Т. 1. – С. 49–62.

11. *Ливен Д.* Россия как империя и периферия // Россия в глобальной политике. – 2008. – Т. 6, № 6. – С. 36–46. – URL: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kak-imperiya-i-periferiya/> (дата обращения: 27.02.2023).

12. *Луцина Т.Ю.* Миф «развернутого строительства коммунизма» в советском обществе в середине 50-х – начале 60-х годов: автореф. дис. канд. ист. наук. – Ижевск, 2002. – 25 с.

13. *Най Дж.* Гибкая власть: как добиться успеха в мировой политике / пер. В.И. Супруна. – Новосибирск; М.: Фонд «Тренды», 2006. – 224 с.

14. *Палат М.К.* Сибирь в поисках идентичности // Азиатская Россия: история и современный дискурс. – Новосибирск: НГУ, 2010. – С. 7–20.

15. *Тренин Д.* Post-Imperium: евразийская история. – М.: РОССПЭН, 2012. – 326 с.

16. *Харитонова Е., Прохоренко И.* «Мягкая сила» бывших империй: сравнительный опыт Великобритании и Испании // Мировая экономика и международные отношения. – 2018. – Т. 62, № 3. – С. 39–49.

17. *Харкевич М.В.* «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО-Университета. – 2014. – № 2 (35). – С. 22–29.

18. *Хрущев Н.С.* О Программе Коммунистической партии Советского Союза // XXII Съезд Коммунистической партии Советского Союза. 17–31 октября 1961 г. Стенографический отчет. – М.: Госполитиздат, 1962. – Т. 1. – С. 148.

19. *Юдин Н.В.* Системное почтение феномена мягкой силы // Международные процессы. – 2015. – Т. 13, № 2. – С. 96–105.

20. *Ядринцев Н.М.* Сибирь как колония в географическом, этнографическом и историческом отношении. – Новосибирск: Сибирский хронограф, 2003. – 555 с.

21. *Brzezinski, Z.A.* Geostrategy for Eurasia // Foreign Affairs. – 1997. – Vol. 76, N 5. – P. 50–54. – URL: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1997-09-01/geostrategy-eurasia> (accessed: 27.02.2023).

22. *Hill F., Gaddy C.G.* The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold. – Washington, D.C.: Brookings Institution Press, 2003. – 327 p.

23. Hooson D.J.M. A new Soviet heartland? // The Geographical Journal. – 1962. – Vol. 128, N 1. – P. 19–29.
24. Hooson D.J.M. A new Soviet heartland? – Princeton, et al.: De Van Nostrand, 1964. – 132 p.
25. Inozemtsev V. Russia, the Last Colonial Empire. – URL: <https://www.the-american-interest.com/2017/06/29/russia-last-colonial-empire/> (accessed: 27.02.2023).
26. Kučík Vít. Rusko není moderní národní stát, ale poslední evropská rise. – URL: https://ceskapozice.lidovky.cz/tema/rusko-neni-moderni-narodni-stat-ale-posledni-evropska-rise.A171103_004319_pozice-tema_lube (accessed: 27.02.2023).
27. Nye J.S. In Mideast, the goal is ‘smart power’ // The Boston Globe. – 2006. – August 19. – URL: <https://www.belfercenter.org/publication/mideast-goal-smart-power> (accessed: 27.02.2023).
28. Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept // Journal of Political Power. – 2021. – Vol. 14 (1). – P. 196–208. – DOI: 10.1080/2158379X.2021.1879572.
29. Nye J.S. The Future of Power. – New York: Public Affairs, 2011. – 300 p.
30. Palat M.K. An identity for Siberia // Asiatic Russia. Partnership and Communities in Eurasia. – Kolkata, Delhi: SHIPRA Publications, 2009. – P. 1–14.
31. Trenin D. Moscow’s task is to build a nation not an empire // Financial Times. – URL: <https://www.ft.com/content/dbbbb2da-0045-11e4-a3f2-00144feab7de?siteedition=intl#axzz36BPowvkb> (accessed: 16.01.2023).
32. Vodichev E., Lamin V. Russian identity and Siberian self-identification: historical traditions in the global world // Russia and Globalization. Identity, Security, and Society in the Era of Change / ed. by D.W. Blum. – Washington, D.C.: Woodrow Wilson International Center of Scientists, 2008. – P. 111–138.

Статья поступила в редакцию 08.01.2023.

Статья прошла рецензирование 30.01.2023.

“HARD” AND “SOFT” POWER OF THE CONTINENTAL EMPIRE: REMINISCENCES ON A HISTORICAL SUBJECT

Vodichev, Evgeny,

Dr. of Sc. (History),

Professor of the Department of International Relations and Regional Studies,

Novosibirsk State Technical University,

20 Marx Avenue, Novosibirsk, 630073, Russian Federation;

Professor of the Department of Russian History,

National Research Tomsk State University,

36 Lenin Avenue, Tomsk, 634050, Russian Federation

ORCID: 0000-0001-8266-1723

vodichev.evgeny@gmail.com

Abstract

In this paper, the author attempts to apply the concept of ‘soft power’ developed by J. Nye, which has been established in the field of international relations and political science, to the historical domain, and specifically to the analysis of basic trends in the development of the Russian Empire and the USSR. The peculiarities of the balance of ‘hard’ and ‘soft’ power tools are identified with regards to the totalitarian (authoritarian) and democratic regimes. The concept of ‘smart power’ is placed into the context of historical research. The author points out the connection between the mechanisms of ‘soft power’ and the development of civil society. Russia and the USSR are presented as continental empires of the colonial type, which possessed internal colonies and dependent territories. Against the background of the general patterns of development of continental empires, which include territorial expansion, the specifics of the USSR are shown. It is determined that expanding the resource base under the dominance of the vector of extensive development, ensuring ‘security’ of the imperial ‘heartland’ at the expense of peripheral territories, and maintaining the geopolitical status have been the key drivers of development of continental empires. In relation to the USSR, the specific function of the metropolis, or capital city of the empire, is underlined. The author pays particular attention to the development of the eastern territories, and Siberia as an internal colony, that was based on the principle of ‘a region for the country’ while ignoring its own interests and internal needs. This has formed a stable matrix of suboptimal centre-periphery relations in the country. It is noted that the empire preserved itself as a single state based on the synergy of ‘hard’ and ‘soft’ power, projected both into the intra-imperial space and outside. The gradual degradation of the ‘smart power’ tools used by the Soviet regime is shown. It is concluded that the collapse of the USSR meant an imbalance and loss of efficiency in the use of factors and tools of ‘hard’ and ‘soft’ power, and now Russia is still experiencing a post-imperial syndrome. The collapse of the Soviet Union and the loss of satellite countries made it necessary to shift the emphasis to internal stabilization. However, the influence of two key

arguments: nuclear weapons and huge resources and territory, ensured the preservation of the previous ambitions.

Keywords: ‘soft power’, ‘hard power’, J. Nye, continental empire, instruments of power, post-colonialism, Russia, USSR, Siberia.

Bibliographic description for citation:

Vodichev E. “Hard” and “Soft” Power of the Continental Empire: Reminiscences on a Historical Subject. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2023, vol. 15, iss. 1, pt. 2, pp. 326–351. DOI: 10.17212/2075-0862-2023-15.1.2-326-351.

References

1. Ablazhei N.N., Bukin S.S., Vodichev E.G., Lamin V.A., Timoshenko A.I. *Ekonomicheskie i sotsiokulturnye vzaimodeistviya v Uralo-Sibirskom regione* [Economic and socio-cultural interactions in the Ural-Siberian region]. Novosibirsk, SibAGS Publ., 2004. 228 p.
2. Alekseev V.V. Rubezhi osvoeniya Aziatskoi Rossii: istoricheskii opyt i sovremennye problemy [Frontiers of development of Asian Russia: historical experience and modern problems]. *Aziatskaya Rossiya: istoriya i sovremennyi diskurs* [Asiatic Russia: history and modern discourse]. Novosibirsk, NSU Publ., 2010, pp. 35–47.
3. Alekseev V.V., Alekseeva E.V., Zubkov K.I., Poberezhnikov I.V. *Aziatskaya Rossiya v geopoliticheskoi i tsivilizatsionnoi dinamike. XVI–XX veka* [Asiatic Russia in geopolitical and civilizational dynamics 16th – 20th centuries]. Moscow, Nauka Publ., 2004. 600 p.
4. Artemov E.T., Vodichev E.G. Po stalinskim lekalam: strategiya kommunisticheskogo stroitel'stva v programmnykh ustanovkakh khrushchevskogo rukovodstva [According to Stalinist Templates: The Economic Strategy of Communist Construction in the Program Settings of the Khrushchev Leadership]. *Idei i idealy = Ideas and Ideals*, 2021, vol. 13, iss. 4, pt. 2, pp. 324–347.
5. Vizbor Yu.I. *Sochineniya*. V 2 t. T. 1. *Stikhotvoreniya i pesni* [Works. In 2 vol. Vol. 1. Poems and songs]. Moscow, Lokid Publ., 1999. 558 p.
6. Vodichev E.G. [Dichotomy of ambitions and opportunities: Russia in the post-modern world]. *Nastoyashchee i budushchee Rossii v menyayushchemsya mire: obshchestvenno-geograficheskii analiz i prognoz* [The present and future of Russia in a changing world: sociogeographical analysis and forecast]. Proceedings of the international scientific conference (Izhevsk, September 13–18, 2021). Izhevsk, 2021, pp. 44–49. (In Russian).
7. Vodichev E.G., Ablazhei N.N. Sibir': stsennarii kolonizatsii i demograficheskii landshaft [Siberia: colonization scenarios and demographic landscape]. *Aziatskaya Rossiya: istoriya i sovremennyi diskurs* [Asiatic Russia: history and modern discourse]. Novosibirsk, NSU Publ., 2010, pp. 21–34.
8. Druzhinin A.G. [Russia in the Changing Eurasian Context: Sociogeographical Forecast]. *Obshchestvennaya geografiya v menyayushchemsya mire: fundamental'nye i prikladnye issledovaniya* [Social Geography in a Changing World: Fundamental and Applied Research]. Proceedings of the international scientific conference. Kazan, 2019, pp. 17–20. (In Russian).

9. Karaganov S.A. Nezakonchennaya istoriya. Retseziya na knigu: Trenin D.V. Post-Imperium: evraziiskaya istoriya [Book review: Trenin D.V. Post-Imperium: Eurasian History. Moscow, Carnegie Moscow Centre, ROSSPEN Publ., 2012]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2012, vol. 10, no. 1, pp. 220–224.
10. Klyuchevskii V.O. Kurs russkoi istorii. Ch. 1. Lektsiya 2 [Course of Russian history. Pt. 1. Lecture 2]. Klyuchevskii V.O. *Sochineniya*. V 9 t. T. 1 [Works. In 9 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl' Publ., 1987, pp. 49–62.
11. Lieven D. Rossiya kak imperiya i periferiya [Russia as an empire and periphery]. *Rossiya v global'noi politike = Russia in Global Affairs*, 2008, vol. 6, no. 6, pp. 36–46. (In Russian). Available at: <https://globalaffairs.ru/articles/rossiya-kak-imperiya-i-periferiya/> (accessed 27.02.2023).
12. Lutsina T.Yu. *Mif «razvernutogo stroitel'stva kommunizma» v sovetskom obschestve v seredine 50-kh – nachale 60-kh godov*. Avtoref. diss. kand. ist. nauk [The myth of “full-scale construction of communism” in Soviet society in the mid-1950s – early 1960s. Author's abstract of PhD in History diss.]. Izhevsk, 2002. 25 p.
13. Nye J.S. *Soft power: the means to success in world politics*. New York, Public Affairs, 2004 (Russ. ed.: Nai Dzh. *Gibkaya vlast': kak dobit'sya uspekha v mirovoi politike*. Novosibirsk, Moscow, Trendy Publ., 2006. 224 p.).
14. Palat M. Sibir' v poiskakh identichnosti [Siberia in search of identity]. *Aziatskaya Rossiya: istoriya i sovremennyi diskurs* [Asiatic Russia: history and modern discourse]. Novosibirsk, NSU Publ., 2010, pp. 7–20. (In Russian).
15. Trenin D. *Post-Imperium: evraziiskaya istoriya* [Post-Imperium: Eurasian history]. Moscow, ROSSPEN Publ., 2012. 326 p.
16. Kharitonova E., Prokhorenko I. «Myagkaya sila» byvshikh imperii: sravnitel'nyi opyt Velikobritanii i Ispanii [“Soft power” of former empires: comparative experience of Great Britain and Spain]. *Mirovaya ekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya = World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 3, pp. 39–49.
17. Kharkevich M.V. «Myagkaya sila»: politicheskoe ispol'zovanie nauchnoi kontseptsii [Soft Power: Political Use of A Scientific Concept]. *Vestnik MGIMO-Universiteta = MGIMO Review of International Relations*, 2014, no. 2 (35), pp. 22–29.
18. Khrushchev N.S. O Programme Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza [On the Program of the Communist Party of the Soviet Union]. *XXII S"ezd Kommunisticheskoi partii Sovetskogo Soyuza. 17–31 oktyabrya 1961 g. Stenograficheskii otchet* [XXII Congress of the Communist Party of the Soviet Union. October 17–31, 1961. Verbatim report. Vol. I]. Moscow, Gospolitizdat Publ., 1962, p. 148.
19. Yudin N.V. Sistemnoe pochtenie fenomena myagkoi sily [A systemic approach to “soft power”]. *Mezhdunarodnye protsessy = International Trends*, 2015, vol. 13, no. 2, pp. 96–105. (In Russian).
20. Yadrintsev N.M. *Sibir' kak koloniya v geograficheskom, etnograficheskom i istoricheskom otnoshenii* [Siberia as a colony in geographical, ethnographic and historical terms]. Novosibirsk, Sibirskii khronograf Publ., 2003. 555 p.

21. Brzezinski Z.A. Geostrategy for Eurasia. *Foreign Affairs*, 1997, vol. 76, no. 5, pp. 50–54. Available at: <https://www.foreignaffairs.com/articles/asia/1997-09-01/geostrategy-eurasia> (accessed 27.02.2023).
22. Hill F., Gaddy C.G. *The Siberian curse: How communist planners left Russia out in the cold*. Washington, D.C., Brookings Institution Press, 2003. 327 p.
23. Hooson D.J.M. A new Soviet heartland? *The Geographical Journal*, 1962, vol. 128, no. 1, pp. 19–29.
24. Hooson D.J.M. *A new Soviet heartland?* Princeton, et al., De Van Nostrand, 1964. 132 p.
25. Inozemtsev V. *Russia, the Last Colonial Empire*. Available at: <https://www.the-american-interest.com/2017/06/29/russia-last-colonial-empire/> (accessed 27.02.2023).
26. Kučík Vít. *Rusko není moderní národní stát, ale poslední evropská rise*. (In Czech). Available at: https://ceskapozice.lidovky.cz/tema/rusko-neni-moderni-narodni-stat-ale-posledni-evropska-rise.A171103_004319_pozice-tema_lube (accessed 27.02.2023).
27. Nye J.S. In Mideast, the goal is ‘smart power’. *The Boston Globe*, 2006, August 19. Available at: <https://www.belfercenter.org/publication/mideast-goal-smart-power> (accessed 27.02.2023).
28. Nye J.S. Soft power: the evolution of a concept. *Journal of Political Power*, 2021, vol. 14 (1), pp. 196–208. DOI: 10.1080/2158379X.2021.1879572.
29. Nye J.S. *The Future of Power*. New York, Public Affairs, 2011. 300 p.
30. Palat M.K. An identity for Siberia. *Asiatic Russia. Partnership and Communities in Eurasia*. Kolkata, Delhi, SHIPRA Publications, 2009, pp. 1–14.
31. Trenin D. Moscow’s task is to build a nation not an empire. *Financial Times*. Available at: <https://www.ft.com/content/dbbbb2da-0045-11e4-a3f2-00144feab7de?siteedition=intl#axzz36BPowvkb> (accessed 16.01.2023).
32. Vodichev E., Lamin V. Russian identity and Siberian self-identification: historical traditions in the global world. *Russia and Globalization. Identity, Security, and Society in the Era of Change*. Ed. by D.W. Blum. Washington, D.C., Woodrow Wilson International Center of Scientists, 2008, pp. 111–138.

The article was received on 08.01.2023.

The article was reviewed on 30.01.2023.